

Г Е ПОТАПОВА

К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ДОСТОЕВСКОГО В ГЕРМАНИИ¹

(Из писем немецкой переводчицы Достоевского
Лесс Кэррик)

«Достоевский — один из тех китов, что шутя заглатывают человеческую жизнь. И не такая это легкая штука добровольно дать себя заглотнуть — и все снова и снова выходить из чрева живым и невредимым»,² — этим патетическим сравнением охарактеризовала значение Достоевского в своей жизни переводчица Элизабет (Лесс) Кэррик (Elisabeth Kaerick, 1886—1966), автор писем, представленных в настоящей публикации. Под псевдонимом «E. K. Rahsin» она перевела большую часть текстов для первого немецкого Полного собрания сочинений Достоевского, вышедшего в свет в 1906—1919 гг. в мюнхенском издательстве «R. Piper & Co» в 22 томах в совместной редакции Артура Меллера ван ден Брука и Дмитрия Мережковского.

Лесс Кэррик участвовала в этом трудоемком издательском предприятии с самого его начала. Вероятно, замысел этого грандиозного по тем временам издания вообще не родился бы, если бы Меллер ван ден Брук (1876—1925), историк искусства, литератор и будущий идеолог немецкого «младоконсерватизма», в 1902—1905 гг. живший в Париже, не встретился с сестрами Кэррик, незадолго до

¹ Моя заметка основывается на материалах издательского архива «R. Piper & Co», в настоящее время хранящегося в Немецком литературном архиве в Марбахе-на-Некаре (DLA Marbach). За разрешение воспользоваться этими материалами я приношу глубокую благодарность издательству Пипер и в особенности Немецкому литературному архиву и Шиллеровскому обществу, поддержавшим мой проект трехмесячной Марбахской стипендией (Marbach-Stipendium), а также фонду Герты Хенкетъ (Gerta Henkel Stiftung), финансировавшему дальнейшую работу над архивом Кэррик в рамках стипендиальной программы, посвященной истории идеи.

² Цитата из письма к Райнхарду Пиперу от 21 января 1926 г.

того явившимися туда из Лифляндии, из родительского поместья близ Пернау Парижская поездка была задумана для того, чтобы старшая сестра Люси, окончившая Петербургскую консерваторию, могла завершить в Париже свое музыкальное образование. Там эта одаренная и эмансипированная молодая дама познакомилась с Меллером и спустя некоторое время стала его второй женой. О том, что план перевести на немецкий язык всего Достоевского подсказала Меллеру именно Люси, сообщает Лесс Кэррик, ее младшая сестра, в письме к Пиперу от 5 октября 1943 г. Что касается самой Лесс Кэррик, то ее роль в издании с самого начала планировалась как роль переводчицы — возможно оттого, что она была более склонна к усидчивому литературному труду, чем Люси. В отличие от старшей сестры она никогда прежде не выезжала из Лифляндии, однако с русской литературой познакомилась еще в годы своего обучения в русской гимназии. Окончив гимназию, Лесс Кэррик изучала архитектуру в Дорпате, параллельно посещая лекции по истории философии и литературы, а в 1904 г. по просьбе Люси отправилась к ней в Париж. Именно Лесс Кэррик, уже в эти годы испытывавшая интерес к культурно-философским построениям, первой познакомилась в Париже с Мережковским, который и был незамедлительно вовлечен в издательский план Меллера.

Дальнейшее существование Лесс Кэррик не отличалось обилием внешних событий. Годы напряженной переводческой работы только иногда прерывались совместными поездками с Люси и Меллером по Европе. К началу Первой мировой войны все трое живут в предместье Берлина Лихтерфельде. В 1920-х гг. Лесс Кэррик, отчасти по состоянию здоровья, отчасти из-за разногласий с Меллером, перебирается в Баварию и с 1922 г. окончательно обосновывается в Мюнхене, где до самой своей смерти в июне 1966 г. работает как профессиональная переводчица для издательства Пипер (еще за неделю до смерти восьмидесятилетняя дама обещает издательству быстро просмотреть корректурные листы нового издания писем Достоевского¹).

Архив Лесс Кэррик поступил после ее смерти в издательство, где и хранился вплоть до передачи всей старой части издательского архива в Марбах-на-Некаре в Немецкий литературный архив. Если не считать незначительных выдержек, имеющих прямое касательство к практической стороне издания и опубликованных десять лет назад в монографии Кристофа Гарстки,³ настоящая публикация является первой попыткой представить читателю эту незаурядную женщину. Хотя Лесс Кэррик выступала в печати исключительно как перевод-

³ *Garstka Ch* Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906—1919 Frankfurt a / M u a 1998 (специально о Лесс Кэррик — S. 66—70)

чица (помимо небольших сопроводительных статей к новому пиперовскому изданию Достоевского, вышедшему в 1950—1960-х гг.), в ее архиве сохранилась масса неоконченных собственных работ: эссе о Достоевском, Шиллере, Шекспире и других, а также переписка с рядом видных современников, как например скульптором Эрнстом Барлахом и философом Освальдом Шпенглером.

Для лучшего понимания публикуемых ниже писем, адресованных Меллеру и Пиперу, необходимо сказать, что Кэррик в своем понимании Достоевского исходит из той далеко небезынской типологии культур, которую она пыталась выстроить на протяжении всей своей жизни.⁴ Столь же справедливо и обратное — Кэррик выстраивает свою культурно-типологическую систему, опираясь на те наблюдения, которые она черпает в первую очередь из произведений Достоевского, рассматривая его героев в сопоставлении с героями западных писателей (Шекспира, Гете, Шиллера, Клейста, Раабе и др.).

В основу этого большого труда (первоначально Кэррик хотела ограничиться темой «Достоевский и русское мышление», но потом ее замысел вырос до размеров универсальной «Психологии истории») должны были лечь некие несохранившиеся «бумаги о Достоевском», которые она в 1921—1922 гг. несколько раз давала для просмотра Шпенглеру. Строя свою культурную типологию по гендерному принципу, Кэррик тем не менее считает устаревшим представление о «мужских» и «женских» культурах. В каждом культурном типе она усматривает как мужское, так и женское начало. Однако сами эти элементы — «мужское» и «женское» — не являются в ее представлении всегда равными сами себе. Те ценности, которые в рамках одной культуры атрибутируются мужскому началу, в рамках другой культуры атрибутируются началу женскому, и наоборот. В соответствии с тем, каким образом распределяются атрибуты партнеров в «человеческой паре», Кэррик подразделяет культуры на два больших класса: патриархальные и матриархальные (тем самым транспонируя в план синхронического сосуществования теорию Иоганна Якоба Бахофена о матриархате и патриархате как диахронически последовательных стадиях в развитии человеческого общества).

В культурах с патриархальной «человеческой парой» мужчина — на манер ветхозаветного Иеговы — воплощает абсолютный моральный авторитет, являясь стабилизирующим началом для морально текучего, нестабильного женского партнера. Наряду с евреями Кэррик относит к этому «патриархальному» архетипу также китайцев, а в современном мире — германские народы. Напротив,

⁴ Подробнее см. *Потапова Г. Е.* От «прелюбодея мысли» к сокрушителю брачных уз (Об идейном подтексте одного переводческого казуса в немецком издании «Братьев Карамазовых») // *Sub specie tolerantiae* Памяти Владимира Артемовича Туниманова СПб, 2008 С 269—281

для славянских народов (а исходно также для гречески-романского, «средиземноморского» культурного типа) характерен культ женщины как стабилизирующей моральной силы. В современной Европе безусловно доминирует германский патриархальный культурный тип, который, однако, находится в состоянии кризиса. Патриархальная семья и патриархальная культура должны быть разрушены и обновлены на неких новых основаниях. На смену старой Европе должна прийти «другая Европа». И русской культуре с ее ярчайшим выразителем, Достоевским, принадлежит, по мнению Кэррик, решающее слово в этой революции культурных форм. Русская культура — это культура с несомненно матриархальной «человеческой парой». В то же время это культура, нацеленная на создание не иерархических, а равноправных, братских отношений между людьми. В этом Кэррик усматривает начало новой эпохи, которая придет на смену устаревшему «отцовскому праву». Высшим символом этой грядущей эпохи является для Кэррик «русский Христос», понимаемый ею как «идея братства». «Братским человеком» по преимуществу, а значит, провозвестником новой эпохи был, по ее мысли, Достоевский как автор «Братьев Карамазовых».

Необходимо предварительно отметить также, что эта система представлений о русской культуре формируется у Лесс Кэррик в значительной мере под влиянием революционных событий в России в 1917 г., а также под влиянием потерпевших поражение немецких революций в Берлине и в Мюнхене. Достоинно изумления, насколько радикально меняет свои убеждения эта консервативная балтийская «фрейлейн», некогда возмущавшаяся Достоевским как сокрушителем устоев европейской культуры.⁵ О том внутреннем переломе, произошедшем в ней в эти годы, свидетельствует запись, датированная 1918 или 1919 г.: «Конечно, я была консервативна. Я была против Достоевского, против Барлаха — Мёллербрук и Лу (Люси. — Г П) были за них. (...) Дело обстоит примерно так. пока дитя не явилось на свет, я предостерегала от катастрофических последствий рождения — ведь при этом могла скончаться мать. Теперь, когда ребенок родился, а мать лежит в предсмертных муках, теперь Лу оплакивает прекрасную мать и брюзжит по поводу ребенка, но я не хочу оставаться у ложа матери и всецело посвящаю себя заботам о ребенке. Само собой разумеется, он еще невымытый, красный и уродливый, но это все пройдет!».

Этот идейный фон необходимо учитывать при чтении публикуемых писем, особенно обращенных к Меллеру и дающих представле-

⁵ Ср., например, ее негативную реакцию на «Бесов», переведившихся ею в 1906 г. роман, в котором одна-единственная «приличная фигура», Маврикий Николаевич (об этих своих прежних переживаниях она упоминает в недатированном письме к Меллеру около 1920 г.)

ние о тех идеологических контроверзах, которыми сопровождалась работа над изданием.

Особый интерес представляют также три длинных письма Кэррик к Пиперу, посвященные изданному по-немецки тому подготовительных материалов к «Братьям Карамазовым» (см. ниже, письма от 3 января, 30 января и 6 февраля 1929 г.). Пипер предлагал Кэррик написать рецензию на этот чрезвычайно существенный том, подготовленный в основном усилиями В. Л. Комаровича, однако Кэррик, всю жизнь опасавшаяся слишком рано «выболтать» идеи своей культурно-философской системы, на это предложение не согласилась. Ненаписанную рецензию отчасти заменяют публикуемые здесь письма.

Для русского читателя вряд ли будут безразличны также письма Кэррик эпохи национал-социализма и Второй мировой войны, которые, в частности, документируют попытки издать хотя бы небольшое избранное из Достоевского, предпринимавшиеся Пипером на протяжении всех военных лет.

Оригиналы всех писем хранятся в архиве Кэррик в Немецком литературном архиве в Марбахе. Поскольку этот фонд систематизирован только предварительно и рукописи не имеют архивных номеров, место хранения и шифры далее не указываются. В многостраничных письмах предприняты вынужденные сокращения — в основном за счет пассажей, несущественных с достоевческой точки зрения. В то же время оставлены многие «посторонние» детали, не имеющие отношения к изданию Достоевского, зато выразительно характеризующие Лесс Кэррик и делающие эти письма ярким документом эпохи.

Артуру Мёллеру ван ден Бруку

1

Гросс-Лихтерфельде, 4 апреля 1919.
Унтер-ден-Айхен 127

Документ в мое оправдание
перед собственной совестью
ныне и присно

Настоящим господин Мёллер ван ден Брук свидетельствует мне, что моим попыткам доказать, что Достоевский не был «консервативен» или, иначе говоря, что Достоевский не «сознавал неполноценность революционного человека (в ком бы то ни было)», а, напротив, в горячо утверждающем смысле приветствовал этого революционного человека, этого «из колеи выходящего»¹ (в «Раскольникове») — как близнеца того «нового человека», что «сегодня уже родился», —
— он внять не пожелал.

Подобное поведение господина Мёллера ван ден Брука объясняется, по-видимому, не только его неосознанным и изначальным чувством превосходства по отношению к тому, что я, возможно, могла бы сказать по этому поводу, но и всем внутренним складом господина Мёллера ван ден Брука, который не ограничивается, как я, пассивным (или объективным) созерцанием «предустановленной гармонии», но стремится в роли активного деятеля участвовать в предустановлении этой гармонии.

«Великая кривая» не поддается вычислению — и в то же время строго закономерна, однако ее закон (по которому она возникла) сокрыт в том порыве, что ее направляет. А потому провидящие ее ход, à la Достоевский, — это не те, кто видит вещи «абсолютно» (как Страхов), а те...²

Публикуемое письмо-меморандум — характерное свидетельство полемике, которую ведет Лесс Кэррик с Мёллером в 1919—1922 гг. Работа над первым изданием к 1919 г. была практически завершена, однако тем острее встал вопрос о переиздании ряда томов в новом, доработанном виде, с новыми предисловиями. Материалы архива свидетельствуют, в частности, о том, что Кэррик сама принимается писать предисловие к «Бесам», предлагает Мёллеру кардинально изменить его оценки русской революции в новом предисловии к тому «Политических сочинений Достоевского» и т. д. Столкнувшись с резким несогласием Мёллера, Кэррик вынуждена была ограничиться ролью переводчицы и составительницы кратких библиографических и фактических примечаний.

¹ Слова Раскольникова в изложении его теории о «необыкновенных» людях (6, 200).

² Рукопись обрывается.

2

〈Январь 1920〉

...Наш доктор, когда он перед Рождеством был в Мюнхене, слышал, что Шпенглер читал там доклад — люди вступали в схватку за билет и 150 человек вынуждены были уйти «с окровавленными головами», потому что не могли попасть. Я теперь думаю: а что если Шпенглер прочитает доклад в Берлине и вы встретитесь с ним в вашем клубе.¹ — Что касается этого пресловутого Шпенглера: это для меня теперь вопрос жизни и смерти — не сможет ли этот человек в конце концов решить проблему Достоевского!!! Ах, если бы так!! Боже мой, тогда мне больше не нужно было бы гробиться над этой самой! Тогда бы мне оставалось только переводить слово в слово! (Могла бы сажать деревья... расчищать дорожки...) Вы только взгляните, Мёллерчик: этот человек «сомнительной национальности»² — этот человек сразу понял бы, что я подразумеваю под

словами «Раскольников=Икар». И смог бы так ясно, как никто другой, выстроить «систему противоборствующих» для всех людей — в то время как я могу только лепетать афоризмы или рисовать весы, которые у Достоевского всегда пребывают в равновесии. Шпенглер называет это «контрапунктикой» — *en voilà, c'est le mot!*³ Под словом «противоборствующие» я подразумевала вот что: Деушкин—Быков, Фома Фомич—полковник, Версилов—Макар Долгорукий и т. д., вплоть до грандиозной пирамиды в «Карамазовых» (т. е. пирамида получается в том случае, если начертить эти все выше и выше восходящие пары противоположностей на бумаге).⁴ Достоевский никогда не говорит наподобие Библии (Ветхий и Новый Завет): «Блаженны те, кто то-то и то-то», но всегда ставит вас на развилку дорог — перед свободным выбором: влево или вправо. Тут Фетюкович—там прокурор (говоря *en bloc*). Один только Шпенглер, гениальный математик, мог бы разработать всю эту «контрапунктику». Старец=духовный отец; старик Карамазов=телесный отец. Григорий, купавший маленького Митю в корыте, = телесный отчим, а доктор Герценштубе, который дарит ему что-то ненужное («один фунт орехов») и говорит при этом: «*Gottvater,*⁵ *Gott der Sohn, Gott der heilige Geist*»=духовный отчим. О, это в Достоевском глубочайший инстинкт, что он заставляет Митю произвольно, но инстинктивно нанести с забора удар Григорию — а Герценштубе сказать: «И теперь плачу, старик!» (что значит это «плачу»? — т. е. душевно растроган). (...) Контрапункты точные, как октава (Шпенглер понял бы, что я подразумеваю под октавой): Федор Павлович и Иван! И все эти пары противоборствующих (Иван—Смердяков, Алеша—Ракитин и т. д. и т. д.) возведены на последней, верхней ступени пирамиды в «прокурора»⁶ и «защитника»: тут — может ли называть себя отцом или считаться отцом тот, кто только произвел меня на свет, не одарив ни любовью, ни заботой? И в прямую противоположность тому прокурор: ...если каждый ребенок станет допрашивать своего телесного отца: «за что я должен любить тебя?»⁷ то... и т. д. (дикая, буйная тройка — и в противовес ей величавая квадрига государства). А позади этого кровопролитного мужского поединка, на краю города, как тихий святой образ на золотом фоне, но только странно нечеткий из-за слез: эта фата-моргана, слишком мучительная (отчего только, отчего??), чтобы быть реальной или производить впечатление реальности: капитан и Илюша. Духовно и телесно отец, духовно и телесно сын. Будто бы чересчур горячо, будто бы юная жизнь сгорает на этом огне. Сколько мне приходилось слышать, именно такие сыновья — если шли на войну, обязательно погибали. (...)

Драмы Достоевского — мужские драмы. Противоборствующие типы — мужчины. Между тем как женщины всегда одни и те же — от маленького гусеночка до старушки. Это всегда простое трезвучие *do-re-mi*: дитя—женщина—мать. И женщина бывает возлюбленной,

до того как сделается матерью. Просто у Достоевского все кончается раньше, чем до этого доходит дело. Настасья Филипповна и Аглая, Лиза Хохлакова и Грушенька, Даша и Лиза Тушина, Софья Мармеладова и Дуня Раскольникова — как матерей их было бы не отличить одну от другой. Поэтому я рисую пирамиду весов вертикально подвешенной (вы, пожалуй, назовете это затейливой игрой, зато Шпенглер нашел бы это ясным и понятным, как стена), держащейся на «матушке России»... Сравните последние слова Достоевского: «русская женщина спасет нас» и т. д., и за полгода до смерти укавание на ключевую позицию Татьяны в Пушкинской речи. Видите, Мёллерчик, потому я и надеюсь до такой степени, что Шпенглер снимет с меня эту обязанность, сам объяснив Достоевского, потому что иначе мне пришлось бы испить чашу всех этих... кошмаров до дна, и даже объяснить Татьяну — а ведь это невысказано без Гудрун! Стало быть, объяснить, как один и тот же «*pimen*»⁸ (или как это назвать? — мне не хватает предварительного запаса знаний, которые есть у Шпенглера!) противостоит двум разным мужским типам и что из этого получается...

В сущности, моя надежда на какого-то другого человека — это всего лишь надежда, что этот другой (возможно, Шпенглер) иначе решит это уравнение и в итоге вычислит что-то более утешительное, чем матриархат и — упразднение башен??⁹ Более утешительное? Разве сегодняшняя форма семьи прекрасна? Фу! Но если так, то в будущем я представляю себе детей только в коллективных воспитательных учреждениях, которые, может быть, на высоте в отношении гигиены, однако ребенку нужна тишина, нужно время, чтобы научиться видеть. Тогда даже самый грязный кухонный угол со знакомой рухлядью больше годится в качестве почвы для прорастания духовных корней, чем светлые лакированные залы с сотней товарищей по играм и с плюшевыми мишками вместо живой кошки. Ничто не утомляет ребенка так, как двое других детей. С другой стороны, Льюис Г. Морган (на которого ссылается Энгельс) пишет: «Если признать тот факт, что семья прошла сквозь четыре последовательные формы и теперь представляет собой пятую форму, то сразу же возникает вопрос, окажется ли эта форма долговечна в будущем. Единственно возможный ответ на этот вопрос: семья должна развиваться, как развивается общество, и меняться, как меняется общество, — точно так же, как она менялась в прошлом. Она продукт общественной системы и отражает в себе его культуру. Поскольку моногамная семья проделала существенное развитие с начала цивилизации, в том числе обнаружила заметный прогресс в новейшую эпоху, позволительно по крайней мере ожидать, что она способна совершенствоваться и дальше, пока не будет достигнуто равенство между обоими полами». (Созвездие Весов?) «Возможно, когда-нибудь в отдаленном будущем, если цивилизация будет постоянно прогрессировать, моногамная

семья будет уже не в состоянии отвечать на запросы общества, однако невозможно предсказать, какова в таком случае окажется ее преемница»¹⁰

Может быть, теперь Вы поймете, почему я, выражаясь банально, была «против» Достоевского, неконсервативного большевика И поймете, что я вычитываю из фразы Шпенглера в книге о Пруссии¹¹ «У нас, немцев, есть богатые, неисчерпанные возможности и неслыханные задания Для того Интернационала, который неминуемо грянет, мы можем дать идею мировой организации, англичане — идею мировой эксплуатации, французы — ничего не могут дать» ()

Впрочем — довольно! И это у меня последний лист бумаги Отсылать ли мне вообще это письмо? Пока не знаю Тогда я Вам не скоро напишу что-нибудь новое Я сейчас шью коричневое пальто И белье Потом займусь «Процессами»¹² Достоевского Спасибо Вам за открытку () И не просто спасибо за книгу Шпенглера

Счастливого Нового года! Привет Лу

Дядя Лесс

7 января

Бедный Меллер! — У вас еще видят глаза? После 10 страниц каракуль? Остальное я лучше сохраню при себе Добавлю только одно Лиза Тушина и Дарья Павловна в «Бесах» — это не противоположности, а тоже созвучие То, что они делают, обе они делают из «гордости» — так это можно было бы старомодно обозначить Вернее из непреложного и серьезного веления долга Из любви к закону Неписаному закону достоинства, или «благообразия»¹³ — того, что дает человеку «благородство» Для краткости назовем это основным побуждением русской женщины Только это побуждение и руководит Соней Мармеладовой, которая продает себя за 3 рубля ради детей, или в Варваре Петровне, которая быстрее решится не знаю на что чем сама сделает Степану Трофимовичу предложение, и т д , и т д , и т д

А вот этого я испугалась Шпенглер полагает, что мы живем сейчас во втором столетии до Христа — Он ожидает основателя новой религии? Но ведь Достоевский у нас уже за плечами Или нового Цезаря? Цезаризм у нас тоже за плечами Нет, во втором столетии после Христа, в начале веков нового смещения крови, перед готикой и Ренессансом — это мне кажется вернее () Большевизм, вероятно, тоже приведет к закону вроде «la recherche de la Paternite est interdite!»¹⁴ Это пункт пересечения — русские contra иудеи абстракция — в противовес плоти Отец Паисий и мужик Марей — в противовес «до одиннадцатого и четырнадцатого колена» Не есть ли противоборство мужчин у Достоевского (с не выговоренным им исходом) только крайность, и не приведет ли она — при скрещении

с немецкой (германской) крайностью — через два или четыре века к определенному «равновесию» или свободе полов друг от друга? Помните, в моей писанине о Гете и Шиллере (т е о Шекспире)¹⁵ 1910 года «Русские борются, по сути, против принципа „Все приходящее — только подобие!“»¹⁶ — Фраза, которую постоянно использует Шпенглер, ей противостоит вопрос Федора Карамазова «Кто же это так смеется над человеком?»¹⁷

¹ «Июньский клуб», в котором объединились деятели немецкого младоконсерватизма, был основан в 1919 г при участии Меллера ван ден Брука, Ханса Резелера, Макса Хильдеберта Бема, Генриха фон Глейхена и других и просуществовал до апреля 1924 г

² В том же письме Кэррик пишет о том, что Шпенглера многие принимали за еврея

³ Вот оно, верное слово! (*фр*)

⁴ В тексте письма следует геометрическая схема, которая здесь не воспроизводится

⁵ У Достоевского «Gott der Vater»

⁶ Кэррик пишет немецкое слово, обозначающее «прокурор», через дефис, подчеркивая тем самым его внутреннюю форму «Staats-Anwalt», т е защитник, поборник государства

⁷ Слова из четвертой книги романа (15, 175)

⁸ «Ноумен» — сущность, «идея», доступная только интеллектуальному созерцанию в отличие от «феномена», доступного чувственному созерцанию

⁹ Перспектива нового возвращения матриархата, в данном случае оцениваемая Кэррик скептически, опирается на теорию Бахофена Об «упразднении башен» Кэррик, охотно прибегающая к архитектурной метафорике, говорит именно как о знаке «матриархальной культуры», которую она рассматривает как культуру «горизонтальную», не способную к возведению «вертикальных» сооружений

¹⁰ Льюис Генри Морган (1818—1881), американский историк и археолог, автор книги «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877), на которую ссылается Фридрих Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884)

¹¹ «Пруссия и социализм» (Preußentum und Sozialismus München, 1919)

¹² Под названием «Процессы», или «Русские процессы» («Russische Prozesse»), должен был выйти так и не состоявшийся том 23 пиперовского издания Достоевского В него предполагалось включить главы из «Дневника писателя» «По поводу дела Кронеберга», «Дело родителей Джунковских с родными детьми» и др (см редакционную заметку в томе *Dostojewski F M Autobiographische Schriften München, 1919 S XII*)

¹³ В оригинале это слово написано по-русски

¹⁴ «Разыскания об отцовстве воспрещаются!» (*фр*) — статья французского Гражданского кодекса (Code Napoleon, или Code civile, 1804), по которой матери незаконнорожденного ребенка и самому ребенку запрещаются разыскания об отце

¹⁵ От этого замысла Кэррик в архиве сохранились только фрагменты

¹⁶ Стих из последней сцены второй части «Фауста»

¹⁷ «Братья Карамазовы», ч 1, кн 3, гл VIII (14, 124) В оригинале последние слова по-русски На этом черновик обрывается

〈Титмонинг, 1921〉

Настолько же, насколько я сочувствую Вашему желанию «энергично вмешаться в дело» — т. е. поднять голос против «попыток представить Достоевского коммунистическим революционером», настолько же хорошо знаю я и то, что против этого никакой ум и никакое снадобье больше помочь не в силах, потому что Достоевский — это хоть и не сегодняшний «коммунист», зато, по-видимому, «братский человек» того дня, который придет «после-послезавтра или... никогда». Ибо то, что удастся осуществить из этого идеала, всегда останется только частицей, однако — намного большей частицей, чем та, которую осуществило так называемое «христианство» Христа. 〈...〉

Да, чтобы не забыть: я совсем забыла поблагодарить за присылку журналов на Рождество. Я получила их 28-го, но только позавчера посмотрела, т. е. перелистала. Мое зимнее пальто + брюки (из Вашей перекрашенной солдатской формы) все еще лежат без движения. Я больше не могу шить. Отдать портнихе — пожалуй, но жизнь здесь тоже очень вздорожала. (Мясо — на 3 марки за фунт дороже, чем в Мюнхене!) За комнату мне уже приходится платить 60 марок в месяц, за свет 30 марок и т. д. Бумага стоит 35 пфеннигов за лист. Почтовые марки, зубной порошок, мыло — ладно, точка! — Так, значит, «Даму» я Вам пришлю обратно, как только будет такая возможность. Но продуктов обещать, увы, не могу. Яйца, в принципе, стоят 150 марок, но купить их нигде нельзя. Крестьяне до того богаты, что, как теперь рассказывают, приносят менять купюры достоинством в 50 марок целыми рюкзаками. Бумажные деньги меряют теперь на вес — недавно один такой дал своей дочери в приданое «шесть тысяч». В соседней комнате живет сейчас портниха — так она шьет исключительно шелковые платья для дочерей крестьян. Недавно сшила для двух дочек мясника розовые платья из крепдешина, плиссе. Мне так весело смотреть на эту пляску смерти Старого Мира! Ну-ка еще шибче! Завидует тут только глупец!

Ах, да! относительно «туранского»¹ погодите еще чуточку. Вы еще увидите, что из этого получится. Пожалуйста, прежде времени ничего не вычеркивать, и не резать, и не рвать!! Вчера у меня руки не дошли еще что-то добавить. Впрочем: я читала Л. Д. Фрост,² знаю все ее идеи касательно пользы семьи и т. д. ... Блюер,³ как ни хорош он во всем остальном, сразу оказывается недостаточен при выходе за пределы немецкой человеческой пары. Что делать с категориями вроде «супруга или гетера», когда говоришь о таких женщинах, как например, Анна Каренина, Варвара Петровна, Лиза, Аглая, Настасья Филипповна. Но на этом кончаю! Еще раз благодарю!

Сердечно,

Лесс

¹ «Туран» и «туранское» в историко-философских построениях Кэррик выступает как противоположность «иранского», причем «туранские культуры» мыслятся как «горизонтальные» и «матриархальные», а «иранские культуры» — как «вертикальные» и «патриархальные»

² Лаура Фрост (Frost, 1851—1924) — немецкая писательница, с 1894 г активно участвовала в женском движении

³ Ганс Блюер (Blüher, 1888—1955) — литератор, автор работ на культурно-философские темы, самая значительная из них — «Роль эротики в мужском обществе» (1917)

4

Титмонинг, 12 мая 1922

Дорогой Меллер¹

Прежде всего — я получила от Пипера «Исповедь Ставрогина»¹ (Между нами что она до такой степени подходит к моей теории, подтверждает ее пункт за пунктом — этого я никогда не ожидала¹ Я была совершенно ошеломлена¹)

Этот перевод В фон Миквитца я отослала назад Хаммельманну² с отдельными пометами и исправлениями ()

В то же время я указала на то, что тот контекст, в котором нужно воспринимать эту главу, трудно было бы как следует развернуть даже в специальной брошюре Такие пояснения следовало бы постоянно вплетать в комментарий, а сопроводительный текст в свою очередь должен был бы постоянно ссылаться на комментарий В письме к нему я упомянула только об отцах церкви, о гетевском Мефистофеле и о черте Ивана Карамазова, а заодно и об опасности, что критики могут воспринять эту вещь так, будто это «Хоровод» Шницлера³ — И я оказалась права Элиасберг⁴ читал эту вещь в Мюнхене, в издательстве Музарион, а вчера мне случайно попала на глаза «Мюнхенер Цайтунг», № 114 от 26 апреля, с критической заметкой, содержащей следующую фразу

«Сам писатель оставил эти безотрадные откровения дикой и распутной жизни лежать в ящике письменного стола, и, должно быть, те девять лет, которых требует Гораций, уже успели пройти А потому можно было бы спокойно оставить их там лежать »

Вам я хочу сообщить только для первой ориентации, что я исхожу из слов Тихона, — и тогда ничего безотрадного здесь нет Но Пипер с Элиасбергом, естественно, рассчитывают на коммерческую прибыльность эротики¹ Фу¹ — Нет, «черта» в Ставрогине надо рассматривать как третью личность — между еще двумя, гораздо более важными Матрешей и Тихоном Огонь между двух скал — между высоким, ясным, знающим умом (Тихон) и глубоким, чистым, исключительно инстинктивным чувством (Матреша) Ну, и так далее Позже вы это еще увидите Исхудавшая, маленькая девочка

10—14 лет, с маленьким кулачком, — это лейтмотив Достоевского! Начиная с маленькой нищенки в Лондоне и т д , и т д Нелли, Соня, Лиза Вельчанинова то взрослее, то меньше, вплоть до Дмитрия с его «дитем» и «деточек» Ивана Карамазова в главе «Бунт», перед Великим инквизитором ⁵

¹ Вслед за русской публикацией в сборнике «Документы по истории литературы и общественности» (М Изд Центр гос архива, 1922 Вып 1) «Исповедь Ставрогина» вышла отдельной брошюрой в издательстве Пипер в 1922 г (*Dostojewski F M Die Beichte Stawrogins [Ubersetzt W Mickwitz] Munchen, 1922*) Практически одновременно текст был опубликован по тому же источнику в мюнхенском издательстве «Музарион» в переводе Александра Элиасберга

² Адольф Хаммельманн, в то время компаньон Р Пипера

³ Нашумевшая пьеса Артура Шницлера «Хоровод» («Reigen», 1900), вызвавшая обвинения в демонстрации разнузданной сексуальности

⁴ Александр Элиасберг (1878—1924), происходивший из семьи российских немцев, перевел для издательства Пипер избранные письма Достоевского (1-е изд 1914, 2-е изд 1920), а также ряд произведений Мережковского («Александр I», «Вечные спутники», «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей», том избранных эссе «На пути в Эммаус») Им же подготовлен упомянутый выше перевод «Исповеди Ставрогина» (1922) и четырехтомное издание «Дневника писателя» в издательстве «Музарион» (1921—1923)

⁵ Продолжение письма не сохранилось

Райнхарду Пиперу

1

Нимфенбург, 3 января 1929

Глубокоуважаемый господин Пипер!

Ваши три — целых три! — книжные посылки на Рождество меня изрядно ошеломили, тем более что я весь этот год совершенно не работала для Вашего издательства ()

Как Вы догадываетесь, я сразу стала читать «Материалы к Карамазовым etc », даже не читать, а проглатывать, насколько это позволяло мое время, и сегодня ночью кончила — впрочем, перескочив некоторые страницы

Великолепно, когда тебе дают в руки готовый строительный материал, когда не нужно самому идти искать глину (т е в известном смысле), носить ее и потом долго месить ногами Все мы, сегодня как никогда более нуждающиеся в этом материале, не можем по-настоящему выразить своей благодарности — не только за тот труд, который вложили в эту книгу те, кто ее готовил (начиная с Комаровича и кончая переводчицей), но еще и за усилия издательства, которое решилось взять на себя этот риск Говорю все это без малейшего желания льстить

В частности, я нашла в этом томе парочку действительно перво-классных изречений Достоевского, которые для меня имеют значение двух недостающих сегментов в его облике — каким я его вижу. Хотя они поддавались вычислению, но были, так сказать, материально недоказуемы. Что ощущаешь, когда наталкиваешься на такое, трудно передать словами. — И еще три места, служащие великолепными подтверждениями. Как уже сказано: за эти материалы можно быть только благодарным, благодарным!

Но помимо этих материалов том содержит еще и — другое. Указания, руководство... я имею в виду только комментарии Комаровича, знатока Достоевского, — статьи Фрейда я бы не хотела касаться без особого к тому принуждения.

Я готова опасаться (или я переоцениваю специалистов в этой области и интерес к ней?), что три основных пункта комментариев Комаровича¹ легко можно заставить прогреметь по-настоящему — или же начать критиковать их.

В целом русские философы для меня как-то малосъедобны: недостаточно наделены стремлением к форме, чтобы быть «поэтами», недостаточно абстрактны для того, чтобы твердо стоять на определенной точке, — в основном у них только попытки, и, едва начав, они уже утопают в чувстве. И призывают на помощь «мистические» шаблоны. Насколько я могу судить о значении Федорова по излагаемому здесь содержанию его философии, он кажется мне все-таки самым интересным из них. То есть я хотела бы вылущить из него некоторые афоризмы и осветить их исходя из Достоевского, не наоборот! То, что Федоров (философски) хочет абстрактно сформулировать в 1876 г., Достоевский уже в 1863-м попытался выразить как писатель в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (том «Автобиографические сочинения»,² страницы о «братстве» и французской *fraternité* etc. etc.), однако: с полным сознанием и ощущением того, что речь здесь идет о «последних вещах», о том, что в словах невыразимо, — разве что если говорить образами, как художник. И кроме того: «понять» эти образы способны только те, что родились родственными натурами.

Я, конечно, не хочу сказать, что философ Федоров был прямым «учеником» писателя Достоевского. Но безусловно неправильно утверждать, что Достоевский испытал воздействие Федорова, что он взял у Федорова хоть слово как что-то новое для себя. Его изречение, что он читал мысли Федорова как свои собственные мысли (многие годы спустя после 1863/64!), производит на меня такое впечатление, словно Везувий посреди великого извержения из своего кратера вдруг заметил столб дыма, поднимающийся из расщелины земной коры где-то за Помпеями, и удивленно сказал:

«Черт побери, да ведь это же мой дым! Как это могло случиться, что он оттуда выходит? А, ну да, ведь под нами везде пышет один и тот же жар...».

Тем не менее (или тем более?), как побочное явление в другой области — одновременно с Достоевским — Федоров чрезвычайно важен (если его хорошенько просеять через сито!).

Что касается двух других пунктов в комментариях Комаровича, то... Но это завело бы слишком далеко! Только об одном: на стр. 500 Комарович поясняет, что «Ильинский» (для Дмитрия) — имя того заключенного, которого Достоевский упоминает в первой главе «Записок из Мертвого дома» и о котором он, между прочим, говорит, что он, Достоевский, не мог поверить в то, будто этот человек убил своего отца, но... факты «исключали всякое сомнение в его вине».³

Точка. К сожалению, Комарович этим удовлетворяется! Как знаток Достоевского он должен бы знать, что Достоевский через много лет опять вспоминает об этом заключенном, неожиданно узнав от знакомых из Омска, что Ильинский был в самом деле невинно осужден, что вопреки всем тогдашним неопровержимым доказательствам он был совершенно невиновен, и инстинктивное понимание Достоевского оказалось правильным. (...) Обстоятельство, что «моделью» для Дмитрия Карамазова послужил не убийца и не лжец, а невинно осужденный, кажется мне само по себе немаловажным. Но еще важнее становится это обстоятельство оттого, что слепота в этом пункте — неспособность увидеть эту «noblesse»⁴ в характере Дмитрия — до определенной степени обесмысливает все, говоря кратко. Для строго германского характера есть что-то комическое в том, как Дмитрий (этот «бродяга», этот «порочный человек» etc.) называет себя, вопреки всему, «рыцарем чести». И все же то, что он под этим подразумевает, — самое существенное в представителях этой породы мужчин! (...) Дмитрий действительно принадлежит к разновидности «кавалеров», которые часто встречаются также в западноевропейской литературе и истории — однако не в германской! Например, в симпатичных бездельниках Экеби, собравшихся вокруг Йёсты Берлинга.⁵ Именно в том и состоит различие между породами людей: понимают ли они своим инстинктом «noblesse» этой породы мужчин — или не понимают. Часто употребляемым, но очень неясным словом «романтика» здесь ничего не объяснить. А поскольку Дмитрий становится мифом русского человека, все это немаловажно.

Простите мою откровенность. Читатели едва ли будут задаваться подобными размышлениями.

Прошу Вас, уважаемый господин Пипер, не воспринимать эту маленькую критику в адрес Комаровича как попытку снизить достоинство всего остального сборника материалов! Ведь «литература» второстепенна — остается только миф.

С искренней благодарностью

Преданная Вам Лесс Кэррик

В этом и последующих письмах к Пиперу речь идет о томе материалов к «Братьям Карамазовым», подготовленных к печати В. Л. Комаровичем и переведенных на немецкий Верой Митрофановой-Демелич (*Komarowitsch W Die Urgestalt der Bruder Karamasoff Dostojewskis Quellen, Entwurfe und Fragmente / Erlaut W Komarowitsch, Mit einer einleitenden Studie von Dr Sigmund Freud, Ubersetz Vera Mitrofanoff-Demelič Munchen Piper, 1928*). Том вышел в серии «Наследие Достоевского» («Der Dostojewski-Nachlaß»), которая планировалась как продолжение уже вышедшего собрания сочинений. Инициатива в этом проекте принадлежала венскому профессору Рене Фюлеп-Миллеру, который на деньги издательства Пипер приобрел у Госиздата исключительные права на публикацию всех обнаруженных в первые годы после революции рукописей и писем Достоевского, причем оригинальная русская публикация могла быть осуществлена по условиям договора только после того, как раскупится переводное первоиздание. По ходу работы, естественно, обнаружилось, что о публикации всех набросков и рукописных вариантов на чужом языке не может быть речи. Неизданные рукописи Достоевского (прежде всего подготовительные материалы к «Преступлению и наказанию», «Идиоту» и «Братьям Карамазовым») составили только три тома издания (уже названный том «Die Urgestalt» и еще два *Der unbekannte Dostojewski / Ubersetz V Mitrofanoff-Demelič Munchen, 1926, Raskolnikoffs Tagebuch Mit unbekanntem Entwurf, Fragmenten und Briefen zu «Raskolnikoff» und «Der Idiot» / Ubersetz V Mitrofanoff-Demelič Munchen, 1928*). Остальные тома содержали воспоминания и дневник А. Г. Достоевской (оба тома — 1925 г), переписку Достоевского с А. Г. Ковнером (1927 г, перевод книги *Гроссман Л. П. Исповедь одного еврея М., 1924*), а также подборки на темы «Достоевский за рулеткой» (1925) и «Полина Сулова. Вечная подруга Достоевского» (1931).

¹ Под тремя основными пунктами статьи Комаровича Лесс Кэррик понимает выдвижение на первый план мотива отцеубийства, включение этого мотива в контекст религиозно-философского учения Н. Ф. Федорова о «воскрешении отцов» (развитого им в его основном труде «Философия общего дела», посмертно опубликованном учениками — 1906, т. 1, 1913, т. 2), а также в литературный контекст (констатация заимствований из романа Ж. Санд «Мопра»). Ср. *Komarowitsch W Die Urgestalt der Bruder Karamasoff S. 3—49, 167—235*.

² Том пиперовского издания Достоевского под названием «Autobiographische Schriften» (Munchen, 1919) содержит «Зимние заметки о летних впечатлениях» и отрывки из «Дневника писателя».

³ У Достоевского «Факты были до того ясны, что невозможно было не верить» (4, 16).

⁴ благородство (*фр.*)

⁵ Речь идет о «кавалерах», живущих в имении Экеби, из романа Сельмы Лагерлеф «Сага о Йесте Берлинге» (1891).

2

Нимфенбург, 30 января 1929

Глубокоуважаемый господин Пипер,

извините, что я только сегодня отвечаю на Ваше письмо от 21 января или по крайней мере собираюсь начать отвечать, потому что сделать это мне удастся только по частям ()

К двум другим пунктам в пояснениях Комаровича. — Впрочем, эти пояснения совсем не навязчивы, однако без личной точки зрения едва ли возможна какая-либо группировка материалов и тем более их обобщение. Как ни симпатична, то есть человечески понятна радость первооткрывателя («влияния» Федорова, Жорж Санд), как ни похвальна честность, которая не позволяет ему ничего затушевывать (Гундольф, например, сразу бы попытался как-нибудь скрыть подобные «влияния» в шекспировских текстах!¹), — остается открытым вопрос, когда он отложит в сторону свой микроскоп и возьмется наконец-то за телескоп.

Или я требую слишком многого? Вероятно. Но все эти увиденные через микроскоп долины и горы, «главные предметы» и «кульминационные моменты» — оказываются при взгляде в телескоп только малыми изломами на длинной восходящей линии гор, на много миль удаленными от подлинной вершины — или кульминационного пункта.

В том-то и состоит вопрос, где расположить штатив: за полметра от горной поверхности или — отступить далеко назад, еще дальше, и еще дальше, пока не попадет в линзу вся вершина, а по возможности и весь горный массив по обе ее стороны.

Что касается меня, могу только повторить, что я благодарна за эту кропотливую работу с микроскопом и ничего бы не стала требовать от того, кому поручено это задание: собрать материал. Только задним числом у меня возникли опасения касательно публики, у которой может создаться впечатление:

- 1) что Достоевский идейный соратник Федорова (а не наоборот),
- 2) что главное в романе — это отцеубийство и
- 3) что в этой «важнейшей» части Достоевский многое украл, почти дословно списал у Жорж Санд.²

И только при такой постановке «штатива» возможен этот злощастный миллиметровый горизонт профессора Зигмунда Фрейда!³

Комарович называет отцеубийство (убийство старика Карамазова) «кульминационным пунктом». — Да, по своему расположению (если считать количество страниц) глава «В темноте» находится прямо посередине. Однако: вместо вершины драматического напряжения, вместо захватывающего изображения события мы находим там — пустое место.

Конечно, Дмитрий так часто грозился убить отца, что уже само по себе знание: «так, свершилось!» можно было бы истолковать как разрешение напряжения (словно бы после кульминационного момента), но даже это «так, свершилось!» пока еще нельзя произнести или ощутить, потому что все скрыто темнотой... Можно строить предположения... но давящая духота никуда не девается, она продолжается, нарастает, чуть отступает... но нигде не разряжается, и даже арест в Мокром не подан как молния, гром и ливень.

То есть Достоевский вовсе не делает физическое убийство определенным частным лицом кульминационным моментом! (Это, пожалуй, учесть!)

Только спустя 300! (русских!) страниц нам словно бы под рукой, совершенно секретно, и только читателю, а не прочим действующим лицам, и, так сказать, в предпрошедшем времени сообщается о том, как было осуществлено физическое убийство, как случай помог определенным частным намерениям определенного частного человека. Но даже и этот рассказ об «убийстве» внешне так приглушен, внутренне так... «затемнен» (до крохотной щелки, как при том опыте, когда желающий наблюдать эксперимент должен один глаз сощурить, а другой приложить к крохотному отверстию и напрячь изо всех сил, чтобы увидеть интерференцию света — эту борьбу световых волн между Иваном и Смердяковым), что и тут можно говорить только о смещении напряжения, но не о кульминационном моменте, даже не об одном из кульминационных моментов.

Кроме того, все это интермеццо со Смердяковым (убийцей!) незаметно вплетается в нарастающее напряжение последнего вечера перед «решающим» днем, днем суда. Я бы еще отметила, что этот Смердяков, действительный убийца, совершил совсем не «отцеубийство», а просто убийство с ограблением. Смердяков до того лишен человеческих связей, что нельзя даже сказать, будто он хотел отомстить за свою несчастную мать (тот, кто обязательно ищет «мораль», мог бы в лучшем случае абстрактно продекламировать: «так мстит за себя надругательство над природой!» или что-то в этом роде). И в разговорах с другими он никогда не намекает на свое происхождение; понятиям «отец», «мать» в его чувствах, кажется, вообще нет места. Таким образом, и в отношении действительного (физического) убийцы об «отцеубийстве» говорить не приходится.

Зато... настоящее «отцеубийство», вернее: спор о признававшемся до сих пор (в государстве, в религии) значении «отца» в ветхозаветно-иудейски-германском смысле — начинается только в поединке прокурора и «защитника».

Важна не фабула, а парабола! Этот приватный папочка Федор Павлович и его единожды совершающееся убийство не имеют значения. Подобно трем женам и четырем сыновьям этого одного непутевого отца (который, живи он на сто лет раньше, был бы маловажным исключением, и даже для времени около 1865 года все еще остается таковым), его убийство остается частным делом, средством к цели, незначительным поводом к этой схватке двух принципов, к этой схватке из-за — богов.

Поэтому невольно умаляют смысл, значение этого гигантского произведения те, кто (как Комарович, как Фрейд) видит в нем только «фабулу», вернее, может ее разглядеть в микроскопы — и за этим занятием обходит молчанием начало универсальной катастрофы (ср.

«мировой переворот», «культурный переворот», «закат Европы», «кризис науки» etc etc , как бы там ни назывались все эти симптом-чики)

С этой точки зрения (т е если поставить штатив как можно дальше) исчезают такие мелочи, как «влияния» Федорова, глава «В темноте» или даже «Мопра» Жорж Санд

В сто тысяч большее значение, чем отдельные выражения из Жорж Санд, имеет в целом тот факт, что молодой Достоевский воспринял французские женские образы à la Евгения Гранде и проч не как «перевернутый мир», а как «правильный мир», правильный также с русской точки зрения Но все эти вещи, действительно, завели бы сейчас слишком далеко¹

Я только хочу сказать, что при помощи простого нанизывания материала не выстроить даже самую простую пирамиду, так можно соорудить только кучу — то есть без «идеи», без заранее начерченного плана Только бесконечно сложно ответить на Ваши вопросы без длительных разъяснений Подобно тому, как по паре разрозненных черепиц не может судить об их необходимости тот, кто не видел хотя бы наброска целого здания

(Продолжение следует)

¹ Книга Фридриха Гундольфа «Шекспир» (1928)

² О действительном характере творческих заимствований Достоевского из романов Жорж Санд см , например *Кийко Е И Достоевский и Жорж Санд // Acta Litterarum Academiae Scientiarum Hungaricae* 1982 Т 24 Р 20—39, *Кафанова О Б Жорж Санд и русская литература XIX века (1830—1860-е гг)* Томск, 1986 С 250—306

³ Вошедшая в том «Die Urgestalt der Brüder Karamasoff» (см примеч к предыдущему письму) статья Зигмунда Фрейда «Достоевский и отцеубийство» (S XIII—XXXVI)

3

Нимфенбург, 6 февраля 1929

Глубокоуважаемый господин Пипер,

да, прервав предыдущее письмо словами «продолжение следует», я не ожидала, что так пройдет целая неделя Но где взять время для писем? И никакой надежды, что ситуация решительно изменится

Тома наследия?¹ — Они очень хороши такие, как они есть И конечно, нужны только в таком виде Иначе бы их не было ()

Вы спрашивали, не хотела бы я написать статью об этом последнем томе По многим причинам — нет Я не хочу подавать повод к дискуссии до выхода моей книги,² как бы я ни желала угодить Вам во всем остальном В узкой рамке одной или даже двух статей (связанных одна с другой) я могла бы в лучшем случае склеить что-

то такое, что никому бы ничего не говорило. Или мне пришлось бы «выковыривать изюмины из пудинга». И если не жадность, то любовь к порядку (вплоть до педантизма) запрещает мне отнимать от моей «новой стройки» даже дощечки паркета и раздаривать их для «старых домов», не говоря уж об оконных рамах и частях лестницы. Мне нужен простор. И мой собственный строительный план — изображение горизонтальной проекции и вертикальной. Но и чужие взгляды я готова считать «совершенно справедливыми», именно как выражение их стиля, поскольку я все рассматриваю только с исторической точки зрения.

Эти слова противоречат моим придирам к разъяснениям Комаровича? — Да, мне следовало бы крепче держать рот на запоре! Мне жаль, если я испортила Вам удовольствие от нового тома. Но для этого нет никаких причин! После смерти Достоевского не прошло еще и пятидесяти лет, а его жизнь, его творчество уже так точно описаны, документированы, рассортированы, зафиксированы и сфотографированы, что трудно было бы назвать во всей мировой литературе другого великого писателя, с которым дело продвигалось бы так быстро и гладко! И это издание, конечно, тоже было нужно.

То, что роющиеся в материале не всегда имеют при себе хороший гребок, чтобы извлечь зерна из соломенной сечки, — это тоже очень важно. Оттого, что сколько гребков, столько разных зерен можно будет там сыскать. Нет, материал должен быть нейтральным — для более серьезных изыскателей. А все прочие — но их это, собственно говоря, мало касается.

(...) В сравнении с Шекспиром, который для своих 36 пьес не сочинил ни одной фабулы, «заимствование» Достоевского из «Мопры» Жорж Санд — это такая частность, как если бы Шекспир позаимствовал у Банделло для «Ромео и Джульетты» только флакончик с ядом, вызывающим мнимую смерть.³ Поэтому у меня вызвали раздражение все эти подсчеты незначущих волосинок, которые Достоевский «стянул» — или якобы стянул — у Жорж Санд. Все это раздувается до таких размеров, что цель, которой служат эти средства, совершенно пропадает.

Я говорю: якобы стянул! Потому что это, разумеется, было для Достоевского неосознанным совпадением, а значит, оно намного важнее, чем это мечтается господину Комаровичу! Тот, кто писал о Жорж Санд так, как Достоевский в 1876 году, тот, конечно, не считал ее образы чем-то чужеродным, когда читал ее романы. Существуют и другие, непредвиденные совпадения между русской и французской литературой и историей. Чтобы говорить о них, следовало бы, скорее всего, обратиться к тем предположениям — или истинам, которые высказал незадолго до смерти граф Гобино,⁴ а вовсе не к таким частностям.

Но Комаровичу, рабочему-первопроходцу, занятому тяжелым разгребанием горы материалов о Достоевском, можно с легкостью

простить, если он считает пару детективных тонкостей (которые Достоевскому нужны как побочное средство к побочной цели и которые он вполне мог взять даже из какого-нибудь ловко сделанного бульварного романа) гораздо существеннее, чем они есть на деле.

Эти тома из наследия предназначены для многих поколений историков литературы, и, собственно говоря, Министерство культуры должно бы финансировать подобные вещи. Но пробудить интерес к наследию Достоевского в широкой публике сейчас едва ли возможно. Она теперь читает современных французов, и англичан, и американцев — и это тоже необходимо для лучшего понимания Достоевского.

Вы спрашивали меня о важных предложениях в этом томе.

Для начала в предисловии (стр. IX, внизу) такое предложение: «В следующем романе... он (Алеша) должен был превратиться из погруженного в себя христианского мистика в крайнего политического революционера. Окончанием этого замышлявшегося романа была казнь Алеши, окруженная революционным ореолом».⁵

Даже если не рассуждать о достоверности этого свидетельства Суворина, а также о различиях между этим высказыванием и похожим, но более умеренным свидетельством вдовы Достоевского... Здесь опять неизбежно возникает вопрос:

«Значит, Достоевский все-таки был в глубине души революционером? Но не противоречит ли этому слишком многое, что у него тоже идет из самой глубины души — или кажется, что идет? Что же подлинно?» и т. д., и т. д.

Ответить на этот вопрос ясно и понятно нет никакой возможности! Я не знаю, сколько стеклянных шкапов со скальпелями, пилками, щипцами, скобками и пинцетами имеется у какого-нибудь Зауэрбруха,⁶ но для операции над Достоевским требуется в три раза больше таких принадлежностей!

Что понимают, в общем и целом, под словами «революционер» или «революционный»? Для огромного количества людей первое слово означает примерно «невежественный олух», а второе — только «разрушительный».

Как, скажите на милость, изложить это кратко! Ведь над всем этим — дыхание шести тысячелетий мировой истории. И если я не... ну, и так далее... — тогда уж лучше мне и не начинать! <...>

Сейчас подошел решительный момент, чтобы энергично сказать «хватит!», прыгнуть в галоши и, может быть, еще добежать до почтового ящика раньше почтальона.

Извините за «опечатки»! Впопыхах

Ваша Лесс Кэррик

¹ См. комментарий к письму от 3 января 1929 г.

² Кэррик имеет в виду свою ненаписанную книгу о «психологии истории» (см. вступ. заметку).

³ Сюжет «Ромео и Джульетты» заимствован Шекспиром у итальянского новеллиста Маттео Банделло (1480 или 1485—1561).

⁴ Граф Жозеф Артюр де Гобино (1816—1882), французский историк и этнограф, один из основоположников расово-антропологической школы, автор труда «О неравенстве человеческих рас» (1853—1855).

⁵ Цитируется предисловие издателей тома, Рене Фюлэп-Миллера и Фридриха Экштейна, пересказывающих свидетельства А. С. Суворина о предполагавшемся продолжении романа (ср.: 15, 485—486).

⁶ Фердинанд Зауэрбрух (1875—1951), немецкий врач, один из самых известных хирургов первой половины XX в.

4

Мюнхен 22
21 июля 1938

Глубокоуважаемый господин Пипер!

Позавчера я опять вернулась в Мюнхен и наконец могу поблагодарить Вас за то, что вы любезно прислали мне отзыв Фосслера о «Франциске».¹ Отзыв изумительно благосклонный! Но мне вот что хотелось бы знать: намеренно ли обходит он с такой ловкостью подводные камни, присутствующие в проблеме Франциска (+ папа и инквизиция), или они вообще остались незамеченными? — Но это, вероятно, отдельная проблема!

В Херршинге² я получила 12 июля первое ответное письмо из Эстонии: что для дальнейших розысков удалось заручиться помощью архиварши в дорпатском Центральном архиве, но мой брат сможет лично поехать в Дорпат только «на следующей неделе». По-видимому, одна из моих бабушек была крещена где-то в другом месте, не там, где она родилась.³ Короче говоря, у меня больше сил нет! — Я должна немного набраться терпения, пишет он, все это не так просто, да в придачу еще пасторы враждовали с гернгутерами.⁴ Но один пожилой пастор, хорошо знающий семейные связи, сможет подтвердить «отсутствие еврейского», *sub sigillo ecclesiae*.⁵ Но сможет ли подобная справка заменить свидетельство о крещении, если даже свидетельство о браке недостаточно убедительно?

И еще один вопрос.

После нашего последнего разговора у меня в голове все вертится одно слово, которое я не могу себе толком объяснить. Вы сказали, будто я «угрожаю отъездом»? — Не стоит ли за этим непонимание моей позиции по отношению к мёллеровскому изданию Достоевского?

Чтобы выразить это как можно короче: я всегда думала о том, чтобы... выстроить это Ваше издание по-другому, не так — — Но, наверно, это ребячество — вдаваться сейчас в такого рода объяснения! Ведь я знаю, что с Вашей точки зрения все неизбежно выглядит по-другому.

Поэтому скажу только одно на мой взгляд, все и вся — это только разные пути к одной цели. Теперь я не вижу возможности для того, чтобы здесь. Но и это завело бы слишком далеко! Просто мне было бы искренне больно, если бы мои усилия издать «ключ» к Достоевскому⁵ где-то в другом месте (в Германии это была бы пустая трата денег для любого издательства — пустили бы в макулатуру, и в придачу, наверно, возникли бы неприятности) были расценены Вами как — как что? как «недружелюбие» или что-то еще худшее по отношению к Вашему издательству! Но это же просто гротеск! Сколько раз я уже слышала, что в первую очередь мне всегда следует думать об издательстве Пипер! ()

Сейчас меня уже в третий раз отвлекают от этого письма и я постепенно теряю голову от всей этой чепухи! — Я хотела еще что-то Вам сказать, но в эту минуту чувствую себя так, что в самую пору бы опять в Херршинг, с пасьянсом и абсурдом. Прошу у Вас извинения!

С наилучшими приветами

Ваша Лесс Кэррик

¹ Речь идет о книге Д. С. Мережковского «Франциск Ассизский», вышедшей по-немецки в издательстве Пипер в переводе Кэррик (*Mereschkowski D. Franz von Assisi München, 1938*)

² Херршинг-ам-Аммерзее — городок в Верхней Баварии

³ Речь идет о хлопотах по получению «свидетельства об арийском происхождении», которое Лесс Кэррик должна была подать в Рейхсшриффтумскаммер (Имперскую палату литературы), чтобы получить разрешение работать как переводчица

⁴ Гернгутеры — одно из пиетистских течений, возникшее в Саксонии из объединения эмигрантских групп чешских братьев с дрезденскими лютеранами и уже в первой половине XVIII в. ставшее чрезвычайно влиятельным в Прибалтике

⁵ О планировавшемся Кэррик «путеводителе по Достоевскому» см. подробнее в следующем письме

5

Мюнхен 22, Изарторплатц 4
28 ноября 1940

Глубокоуважаемый господин Пипер!

Вчера я совсем было собралась просить Вас не присылать мне том с «Мертвым домом», если это последний экземпляр. Пару страниц я ведь могу и списать! Но том, очевидно, уже был в пути и, действительно, сегодня прибыл. Большое спасибо! При случае пришлю его назад. Кроме того, у меня лежит Ваш Хэкер («Вергилий»),¹ которого я на всякий случай хотела бы еще подержать до конца работы, хотя он вряд ли уже понадобится.

С 1 декабря я собираюсь начать присылать Вам по частям новую рукопись. Поэтому сначала несколько слов о заглавии: «Разъединение и общность».

Оно Вам подходит? — Как Вы догадываетесь, я испробовала многие варианты — и многие другие принципы отбора, но только это заглавие меня... успокоило.

Конечно, в одном-единственном томике избранного с маленьким «путеводителем» немислимо объяснить проблему Достоевского во всей полноте!

Поэтому из множества возможных точек зрения, между которыми приходилось выбирать, я выбрала тот пункт, который позволяет скрепить даже такую свободную подборку в органическое целое. Этот пункт — противоположность (и слияние) теории и практики, сквозь которые Достоевский проводит своих героев. Под этим я подразумеваю, что все его герои — *logiciens*,² что все они, как прирожденные аристократы (= гордые и т. д., в «подполье» и в «Мертвом доме» — Орлов и Петров), в уединенном сознании превосходства (= разъединение) придумывают баснословные теории. Но вслед затем Достоевский берет действительность, пошлый быт с его бедными людьми, со всем человеческим горем — и сталкивает с этим своих «мыслителей», бесцельно живущих в холодном сознании превосходства. И вследствие того — —

Но это завело бы слишком далеко! Короче говоря: они постигают, что даже самый высокостоящий человек может творить только в людской общности, что все определяется той волной, что под ним, что только она одна может вознести его до бессмертия... если он сумеет подняться на нее.

Отсюда его жалобы на необходимость существовать в Сибири или в Дрездене как «ломоть отрезанный», отсюда его вера в «народ» — что не имеет ничего общего с восхвалением крестьян у Гамсуна и т. д., и т. д.

Поэтому я начинаю подборку парой фрагментов из писем Достоевского-юноши, затем следуют куски из «Бедных людей» — с этой неискоренимой верой крохотного мизинца на ноге, что он тоже «причастен к целому», что он тоже нужен голове и т. д., — а кончить я хотела бы пассажем из Пушкинской речи перед заключительным «Ура Карамазову!» (не поймите последнее буквально!).

Впрочем, что касается Орлова и Петрова, каторжников из Мертвого дома: они, естественно, не создавали теорий, но в них заключается первый толчок к мыслям Раскольников и Ивана, а между тем на них никто не обращает внимания! Об объеме тома (количество страниц) мы можем еще поговорить, когда окажемся на стр. 400. Но по предварительной оценке объем останется 436 стр. Я вычеркнула «Бобок» и «Сон смешного человека» и многое другое.

Простите мне еще один вопрос! Вы знаете «Восстание масс» Ортеги?³ Книга у меня есть, и я могла бы Вам ее прислать. — Само

собою получилось так, что эта подборка «Разъединение и общность» представляет ответ Достоевского на те опасения и перспективы, о которых говорит Ортега То есть ответ не в смысле возражения, а в смысле «эха», но в более полном, глубоком тоне

Если предложенное заглавие вам не понравится, возможны и другие варианты

А пока остаюсь с наилучшими приветами

Ваша Лесс Кэррик

¹ Речь идет о наиболее известном труде писателя и философа Теодора Хэкера (Haecker, 1879—1945), «Вергилий, прародитель Запада» («Vergil Vater des Abendlands», 1931)

² логики (*фр*)

³ «Восстание масс» («La Rebelion de las masas» 1930), работа испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета

6

Мюнхен, 26 января 1942

Глубокоуважаемый господин Пипер¹

Прилагаю это «жуткое» предисловие,¹ которое вообще невозможно по-настоящему перевести. Вся эту игру в прятки можно понять только с учетом того фона, который приоткрывается материалами из «Неизданного Достоевского». Все это — отвлекающий маневр. Вроде того, как убегающий вор кричит «Держите вора!»¹, или что-то вроде кружения кукушки у славкиного гнезда, куда она собирается снести свое опасное яйцо — Это предисловие напоминает умоляющее и заклинающее письмо Достоевского к Любимову чтобы тот только пропустил, пропустил то да се — опровержение (Ивана), мол, незамедлительно последует

Но опровержения не последовало. Так и тут посмотрите на Алешу, на скромного Алешу, в нем тут главное дело, но очередь до него дойдет только во втором романе и т. д. — Если переводить дословно, насколько такое возможно с этими переливающимися словами, играющими всеми мыслимыми оттенками, то все эти фразы останутся шарадами, логическими несообразностями¹. Но как их «улучшить»? А под конец еще и это, по-видимому остроумное, поддразнивание русских критиков, чего немецкие читатели и вовсе не поймут

С наилучшими приветами

Ваша Лесс Кэррик

¹ Имется в виду письмо к Н. А. Любимову от 11 июня 1879 г. (30, 68—69). Опубликовано по-немецки в F. M. Dostojewski Die Urgestalt der Bruder Karamasoff Munchen 1928 S. 562—563

Мюнхен 38, Фафнер-штрассе 31
5 октября 1943

Глубокоуважаемый господин Пипер!

Ответ моей сестры пришел из Познани уже позавчера, но я не смогла написать Вам сразу, по вине одного смертного случая.

Моя сестра ссылается на те сведения, которые она уже сообщила мне прошлой осенью, после того как Вы задали мне в издательстве те же самые вопросы. К сожалению, этого письма сестры, как и остальных писем 1942 года, у меня здесь нет под рукой,¹ а значит, я могу дать Вам отчет исключительно по памяти. <...>

P. S.

На четырех страницах, прилагаемых ниже, я записала то, что я могу сообщить в ответ на Ваши вопросы, в соответствии с разъяснениями моей сестры от осени прошлого года. Достаточно ли этого?

А я пока остаюсь с сердечными приветами

Ваша Лесс Кэррик

Кстати: воздушный налет в этот раз пощадил Нимфенбург, зато с Изарторплатц дело обстоит иначе! Надеюсь, у вас на Георгенштрассе все пока на месте!²

Мёллер ван ден Брук уже тогда, в Париже (1903—1905), носился с планами продолжения или переделки «Современников».³ Речь шла о проблеме старых и молодых народов, занимавшей его до последних дней.⁴

Но в то время «динамическое воззрение на историю» было еще terra incognita; те результаты, которые уже предощущались некоторыми, как это часто бывает, с трудом поддавались объяснению в словах, обоснованию. А одни только чувства — это всего-навсего личное дело, другие совершенно не обязаны воспринимать их всерьез! Принудить к серьезному рассмотрению можно только при помощи доказательств, подтверждений, фактов. Но где было их взять? Что годится? Что нет? и т. д., и т. д. Все это были очень сложные вопросы, которые необходимо было хорошенько «промесить», чтобы что-то вышло.

В разговорах и дебатах по четвергам, вечерами на журфиксах в доме мадам Лаборд, rue de Ponthieu 69 (улица, параллельная Champs Elysées), когда рассуждали о возможностях доказать правильность этого нового воззрения на историю, моей сестрой был упомянут Достоевский, как доказательство тому применительно к России. Она

познакомилась с его произведениями уже в Петербурге, где незадолго перед тем окончила консерваторию В интернате, где она жила, ее соученицы, естественно, много читали Достоевского и спорили о нем, по русскому обыкновению Стало быть, она уже с тех пор имела понятие о значении Достоевского для России А Меллербрук знал о Достоевском еще по Берлину (благодаря Ницше и кружку молодых писателей, к которому принадлежали Конрад Анзорге, Пшибышевский и Лу Андреас-Саломе⁵)

Так из разговоров о планах Меллербрука, касавшихся «ценностей народов» и т. д., возникла необходимость в первую очередь познакомиться с полным Достоевским Неужели по-французски? Вот так и получилось, что было принято предложение моей сестры издать Достоевского на немецком языке К этому кружку, собиравшемуся по четвергам, принадлежали и молодые писатели, в том числе балтийские немцы, которые в той или иной мере занимались писательством, или живописью, или рисованием Но Меллербрука, который был одержим своей работой, занимали прежде всего материалы, необходимые для доказательства его гипотез, ибо, если бы он говорил о вещах, которые ему самому были известны только наполовину, а широкой публике и вовсе неизвестны, он не мог бы использовать их ни в качестве доказательства, ни в качестве инструментов в своих нематериальных операциях (Точно так же, как сегодня, нельзя оперировать ссылками на Раабе, пока еще нельзя!)

Теперь что касается Вашего второго вопроса отчего обратились именно к Вашему издательству?

Вы тогда еще были связаны с издательством Георга Мюллера,⁶ которое уже стяжало известность благодаря изданиям хороших романов, однако сами Вы были еще молодым издателем, а потому можно было надеяться на сотрудничество с Вами в расчете на будущее Кроме того, Вы тогда успели издать произведения, которые обнаруживали мужество видеть вещи по-новому, видеть то, что молодо и свежо, мужество видеть старое молодыми глазами — или воспринимать его по-новому

Какие именно произведения Вы тогда уже издали, Вы можете перечислить по памяти лучше меня И если Вы сегодня, в 1943 году, прочтете введение Меллербрука к «Современникам», возможно, Вы получите наилучшее объяснение некоторых взаимосвязей, как в малом, так и в большом

Приложенные к письму пояснения, касающиеся истории возникновения издания, Райнхард Пипер отчеркнул красным (очевидно, для машинописной копии) и сделал помету «Лесс Кэррик писала мне в ответ на мой вопрос, 5 X 43» Из текста письма следует, что Пипер интересовался обстоятельствами зарождения замысла уже осенью 1942 г. Возможно, этот интерес Пипера диктовался не только желанием ближе представить себе те обстоятельства, при которых родился план одного из важнейших издательских начинаний, осуществленных в его издатель-

стве, но также желанием выяснить, каков был личный вклад Меллера в издание Достоевского на стадии его возникновения. Этот пункт станет особенно важен для Пипера после войны, при выяснении финансовых отношений с наследниками Меллера. Плохо поддающийся объяснению факт, что он расспрашивает об этом в 1942—1943 гг., может быть связан с размышлениями о лицензионном издании Достоевского за пределами Германии (ср. сходную историю с переговорами об издании в Швейцарии запрещенного нацистской цензурой немецкого издания «Жанны д'Арк» Мережковского)

¹ Это письмо Люси Меллер ван ден Брук не сохранилось. Вероятно, значительная часть переписки была утрачена при злосчастных архивах Кэррик в 1945 г. (см. следующее письмо)

² На Георген-штрассе в Мюнхене находилось издательство Пипер. Оно было разрушено прямым попаданием бомбы при одном из следующих налетов.

³ «Современники» — книга Меллера ван ден Брука «Die Zeitgenossen. Die Geister, die Menschen» (1906). Она явилась продолжением его первого большого труда «Современная литература» («Die moderne Literatur», 1899—1902), объединившего литературные портреты новейших немецких писателей.

⁴ В представлении Меллера «старыми народами» являются, в частности, романские народы Европы. «Молодыми народами» он считает немцев и вообще германские народы, а «самыми молодыми народами» — русских и американцев.

⁵ Конрад Анзорге (1862—1930) — немецкий композитор. Станислав Пшибышевский (1868—1927) — польский писатель, литературную деятельность начал в 1890-х гг. в Берлине на немецком языке. Лу Андреас-Саломе (1861—1937) — писательница и эссеистка, родилась в Санкт-Петербурге, была близко знакома с Ницше, Рильке, Фрейдом и др.

⁶ Издательство Георга Мюллера, также находившееся в Мюнхене, существовало с октября 1903 г.

8

Мюнхен, 17 октября 1946

Глубокоуважаемый господин Пипер!

Относительно томика избранного Достоевского

Как Вам известно из моих предложений и указателей содержания, составленных в свое время,¹ я предусматривала заглавие «Vivos voco» (восклицание защитника в «Братьях Карамазовых»)² и трудную задачу выбора — в хронологическом порядке — решила таким образом, чтобы читателя можно было словно бы провести за руку сквозь то, что Мережковский называет «зеркальным лабиринтом» Достоевского. Я слишком хорошо понимаю, отчего Вы были немного насторожены таким выбором и таким порядком подачи, однако если теоретически это звучало непривычно, то на практике все было совершенно просто и разумелось само собой.

Если я правильно помню, 23 октября 1945 года я подписала обязательство представить полный объем к лету 1946-го. Но 25 октября я получила от госпожи Баумайстер из Эгльхауса³ письмо, первое с весны 1945-го, что 9 мая на ее постоялом дворе «У почты» рас-

квартировали американский гарнизон в 200 человек и она вынуждена была покинуть жилище в течение часа. А когда 18 августа она опять смогла переступить порог своего дома, все выглядело «разоренным»! Хорошо запертая ею комната с коробками и пакетами из Мюнхена была взломана, коробки и чемоданы опустошены и т. д., и т. д. Она тут же попросила бургомистра произвести осмотр помещения... Оставшееся она решила сложить в пустые коробки, а потом, как она писала, я могла забрать их.

Что и произошло в конце ноября. Из семнадцати коробок я получила назад четыре: это были почти одни только рукописи (помятые, частью промокшие насквозь) и невзрачные книги. Все представлявшее ценность пропало как не было. То же самое с чемоданами других дам. Поскольку госпожа Баумайстер не могла распознать по содержанию, из каких пакетов оно происходит, она положила в эти четыре коробки также чужие вещи — как, возможно, принадлежащие мне. Часть из них признала своей собственностью супруга санитарного советника, остальные я отправила назад с просьбой спросить других пострадавших, не оказалось ли случайно в их чемоданах моих папок и книг.

Больше я ничего не получила.

До сих пор я еще ни разу не была в таком продолжительном шоке. Вопрос: «Что хотела сказать этим судьба?» терзал меня весь этот год. Лишь постепенно я начала постигать, угадывать за этим руку «замедляющих демонов». Из манускриптов к тому избранного я нашла в целости только часть сделанного заново перевода. Кроме того, часть порезанных печатных листов и страниц из книг. Однако я — наверно, Вы станете смеяться — внутренне до такой степени испугана, что никак не могу взяться за сортировку «бумажного винегрета» в еще одном ящике! Ну да и это со временем образуется! Может быть, займусь этим на неделе. Но именно самые известные места из романов Достоевского сегодня сделались так чертовски опасны — словно бы, например, мысли Раскольников о пятой заповеди⁴ могли родиться в Аушвитце или Маутхаузене. А шатовское «всякий народ до тех только пор и народ, пока...»⁵ и т. д., а шигалевщина, а слова Ивана Карамазова о первой революции Смердяковых (они только «пушечное мясо»)⁶ — или даже антикатолические выпады Мышкина и Достоевского (в «Дневнике») — — —

Не лучше ли нам поэтому предложить читателям новые переводы «Карамазовых» и «Бесов» — сначала без «путеводителя по лабиринту»?

Кстати, я до того down just now,⁷ что едва представляю себе, как справиться с одной книгой, не то что с тремя сразу!

На сегодня довольно!

С лучшими приветами

Ваша Лесс Кэррик

¹ План издать том избранного Достоевского обсуждается уже в письмах Кэррик к Пиперу от 15 сентября 1939 г, от 16 января и 28 ноября 1940 г и позднее Первоначально ею было предложено заглавие «Разъединение и общность» («Vereinzlung und Gemeinschaft») (см выше, письмо от 28 ноября 1940 г)

² В четвертой книге романа (15, 170)

³ В сельской гостинице Баумайстер в Нижней Баварии Лесс Кэррик оставила на хранение свои вещи, книги и архив, когда участились воздушные налеты союзников на Мюнхен

⁴ В православной традиции — шестой заповеди («не убий»)

⁵ «Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения» («Бесы», часть 2, гл 1 (10, 199))

⁶ У Достоевского Иван говорит о Смердякове «Передовое мясо, впрочем, когда срок наступит () Будут другие и получше, но будут и такие Сперва будут такие, а за ними получше» (14, 122)

⁷ подавлена в настоящий момент (англ)

А В ОТЛИВАНЧИК

ДОСТОЕВСКИЙ В НЕИЗДАННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В. Ф. ПУЦЫКОВИЧА 1899—1911 гг.*

Знакомство Достоевского с консервативным публицистом и издателем Виктором Феофиловичем Пуцыковичем (1843—1920) относится к периоду их совместной работы в еженедельной газете-журнале «Гражданин» (1873—начало 1874) Передав в апреле 1874 г Пуцыковичу редакторскую должность в «Гражданине», Достоевский продолжал поддерживать с ним личные и деловые отношения, помогал советами по изданию газеты-журнала, изредка печатался в «Гражданине» После отъезда Пуцыковича в Берлин из-за проблем с кредиторами (1879) Достоевский неоднократно оказывал журналисту посильную денежную помощь (30₁, 62, 70, 83—84), а в 1880 г уплатил часть вексельного долга Пуцыковича (30₁, 141, 322) Личная и деловая переписка Достоевского и Пуцыковича продолжалась до сентября 1880 г (известны 13 писем Достоевского к Пуцыковичу¹ и 67 писем Пуцыковича к Достоевскому) В нача-

* Работа выполнена в рамках договора с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований (БРФФИ) Г09Р—007 от 15 апреля 2009 г

¹ Еще 4 письма утеряны Сведения об одном из них (конец февраля 1880 г) даны в академическом ПСС Достоевского (30₁, 54) упоминания о трех остальных содержатся в письмах Пуцыковича к Достоевскому от 2 (14) августа 10 (22) августа и 23 сентября (5 октября) 1879 г (ИРЛИ, № 29828, л 139—140 142 162 163)